

УДК 343.01

doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-104-109

Сергей Владимирович Векленко

доктор юридических наук, профессор

ORCID: 0000-0002-8625-8656, postmaster@ptskl.baltnet.ru

Игорь Павлович Семченков

кандидат юридических наук

ORCID: 0000-0003-3964-3428, semchenkovmail@yandex.ru

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Российская Федерация, 236006, Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30*

Критический анализ объекта преступления как элемента состава преступления

Аннотация: В статье приводятся доказательства необоснованности признания объекта преступления элементом состава преступления.

Обоснование этого вывода применительно к таким разновидностям уголовно наказуемых деяний, как приготовление к преступлению, покушение на преступление, подстрекательство к преступлению, пособничество в преступлении и деяние организатора преступного посягательства проводится путем демонстрации того, что они с объектом преступления даже не соприкасаются и непосредственного воздействия на него не оказывают.

Доказательство того, что объект преступления не является составной частью преступного деяния, выражающегося в причинении вреда, проводится в двух направлениях, – применительно к преступлениям, причиняющим вред внутренним благам человека, например, его жизни или здоровью, и применительно к преступлениям, причиняющим вред внешним благам людей, признаваемым объектами уголовно-правовой охраны, в частности, таким, как общественный порядок, общественная безопасность и т. д.

Показано, что объект преступления в виде внутренних благ человека составной частью преступления являться не может потому, что эти блага находятся внутри их обладателя, а он сам является элементом какого-либо социального группового образования (социальной системы), но не совершаемого в отношении него преступления.

Аргументация того, что внешние объекты преступления составной частью преступления не являются, построена на результатах детального анализа процесса причинения вреда. Результаты такого анализа, осуществляемого с применением категорий части и целого, демонстрируют принципиальную невозможность выделения в процессе причинения вреда вообще каких бы то ни было составных элементов (частей). В данном процессе возможно выделять лишь определенные его фазы, стадии, этапы, но не составные части.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, объект преступления, бездействие, причина, процесс, система, элемент, часть и целое, философия уголовного права

Для цитирования: Векленко С. В., Семченков И. П. Критический анализ объекта преступления как элемента состава преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 104–109; doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-104-109.

Sergey V. Veklenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

ORCID: 0000-0002-8625-8656, postmaster@ptskl.baltnet.ru

Igor P. Semchenkov

Cand. Sci. (Jurid.)

ORCID: 0000-0003-3964-3428, semchenkovmail@yandex.ru

Critical analysis of the object of the crime as an element of the corpus delicti

Abstract: The article provides evidence of the groundlessness of recognizing the object of a crime as an element of the corpus delicti.

The substantiation of this conclusion in relation to such types of criminal offenses as preparation for a crime, attempted crime, incitement to a crime, aiding in a crime and the act of the organizer of a criminal offense is carried out by demonstrating that they do not even come into contact with the object of the crime and don't have a direct impact on it.

The proof that the object of the crime is not an integral part of the criminal act, expressed in causing harm, is carried out in two directions - in relation to crimes that harm the internal benefits of a person, for example, his life or health, and in relation to crimes that harm external benefits of people recognized as objects of criminal law protection, in particular, such as public order, public safety, etc.

It is shown that the object of a crime in the form of a person's internal goods cannot be a constituent part of a crime because these benefits are inside of their owner, and he himself is an element of some social group formation (social system), but not an element of a crime committed against him.

The argument that external objects of a crime are not an integral part of a crime is based on the results of a detailed analysis of the process of causing harm. The results of such an analysis, carried out using the categories of the part and the whole, demonstrate the fundamental impossibility of isolating any constituent elements (parts) in the process of causing harm. In this process, it is possible to single out only certain of its phases and stages, but not its component parts.

Keywords: crime, corpus delicti, object of crime, inaction, reason, process, system, element, part and whole, philosophy of criminal law

For citation: Veklenko S.V., Semchenkov I.P. Critical analysis of the object of the crime as an element of the corpus delicti // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 1 (89). – P. 104–109; doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-104-109.

В рамках учения о составе преступления принято полагать, что «преступное деяние, как всякий человеческий поступок, состоит из четырёх элементов: объект – то, на что направлено деяние; субъект – лицо, совершившее деяние; объективная сторона – то, в чём проявляется деяние; субъективная сторона – психическое отношение лица к совершаемому деянию»¹. В соответствии с данным представлением к составным частям преступления относят не только объективную сторону, субъекта и субъективную сторону преступного деяния, но и объект преступления [5, с. 27; 7, с. 81; 10, с. 65] под которым согласно самой современной его трактовке следует понимать «благо (блага) человека (людей), для обеспечения сохранности которых существует уголовный закон» [2, с. 9].

Данное представление о преступлении как деянии, состоящем из приведённых выше элементов, вызывает серьёзные сомнения относительно его соответствия реалиям существующей действительности. В настоящей статье

проводится обоснование того, что объект преступления элементом состава (составной частью) преступного деяния не является.

Понятие преступления охватывает не только деяния исполнителя, сформулированные в Особенной части уголовного законодательства, но и приготовление к преступлению, покушение на преступление, деяния подстрекателя, пособника и организатора. Если исходить из общего посыла учения о составе преступления, то объект и этих преступлений должен рассматриваться в качестве их составного элемента.

Вместе с тем, как показывает анализ данных преступлений, объект преступления элементом (их составной частью) являться не может, что подтверждается простым и очевидным обстоятельством: эти деяния существуют вне объекта преступления и с ним даже не соприкасаются.

Что-либо может быть признано частью (элементом) чего-то целого только в том случае, если оно каким-либо образом контактирует хотя бы с ещё какой-либо одной частью целого. Только при этом условии оно может рассматриваться как часть целого. С этой точки зрения признание объекта преступления составной ча-

¹ Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – Москва: Юрист, 2004. – С. 105.

стью того, что с ним вообще никак не контактирует, представляется невозможным.

Приготовление к преступлению представляет собой предварительную преступную деятельность в виде создания условий для совершения умышленного преступления. Отрицать тот факт, что данное деяние направлено против какого-либо охраняемого уголовным законом блага, невозможно, однако из этого вовсе не следует, что объект приготовления является частью подготовки к причинению ему вреда: приготовление к преступлению с объектом преступления никакого контакта не имеет.

Также никакого соприкосновения с объектом преступления не существует и у деяния подстрекателя как побудительной детерминанты, склоняющей другого человека к преступлению. Деяние подстрекателя оканчивается в момент принятия решения о совершении преступления подстрекаемым лицом. При этом у самого склонённого к преступлению лица факт принятия им решения о совершении преступления находится в так называемой фазе формирования умысла, которая уголовной ответственности не влечёт и очень далека от реального посягательства на объект. Впоследствии, если склонённое лицо и начнёт совершать преступление, то в соприкосновение с объектом преступления вступит именно его деяние, а не действие подстрекателя.

Аналогичным образом не входит в контакт с объектом преступления и деяние пособника, которое лишь создаёт условия для совершения преступления исполнителем.

Ничем в этом смысле не отличается от рассмотренных выше преступлений и деяние организатора преступления как лица, организовавшего преступление либо руководившего его совершением. Выполнение управленческих функций по организации преступления имеет место в ходе приготовления к преступлению, которое с объектом не контактирует. Руководство совершением преступления воздействует не на объект преступления, а на исполнителей преступного деяния. Таким образом, деяние организатора, хотя и направлено на причинение вреда объекту преступления, что представляется несомненным, но непосредственно в контакт с объектом преступления не вступает.

Не является объектом преступления элементом негодных покушений, имеющих место при фактической ошибке. Эти деяния влекут ответственность лишь потому, что в них проявляется способность лица совершать соответствующие преступления. Однако сами эти негодные покушения не только в контакт с объектом преступления не вступают, но и никакой фактической угрозы для объекта преступления не представляют. Поэтому их и принято называть негодными.

Не может быть объект преступления составной частью и годных покушений, которые никакого вреда объекту преступления не причиняют (например, выстрел в потенциальную жертву убийства и промах). Эти покушения также никаким образом с объектом преступления не контактируют.

Иначе следует решать вопрос о возможности признания объекта преступления элементом оконченных преступлений, выражающихся в причинении вреда, а также частично реализованных покушений (например, покушения на убийство, причинившего тяжкий вред здоровью) [9, с. 15]. Об этих преступлениях нельзя сказать, что они с объектом преступления не соприкасаются, поэтому для этих случаев необходимо использовать другие способы доказывания.

В основе одного из таких способов лежит понимание того, что объекты преступления, под которыми мы подразумеваем различные блага человека (людей), по отношению к самим их обладателям могут быть благами внешними и внутренними². Данное их разделение известно ещё с античных времён³. К внутренним благам, в частности, относятся такие блага, как жизнь и здоровье, признаваемые основными или дополнительными объектами достаточно большого числа преступлений.

Внутренние блага находятся «внутри» человека и представляют собой один из неотъемлемых аспектов его бытия⁴. С учётом этого доказывание того, что внутренние блага не могут быть элементами преступления, можно провести путём обоснования того, что обладатель этих благ (потерпевший) не является составной частью преступного деяния.

С точки зрения системной картины мира, любой человек может рассматриваться в качестве элемента только какого-либо социального группового образования (какой-либо социальной системы), но не того взаимодействия, которое существует между ним как элементом социальной системы и другими людьми, также являющимися её элементами.

Взаимодействие элементов системы между собой, их воздействие друг на друга выражает процессуальный аспект существования системы, но не его элементный состав. Поэтому, если рассматривать преступное воздействие одного человека на другого, то признание любого человека, в том числе и потерпевшего, элементом (составной частью) этого воздействия

² Семченков И. П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Семченков Игорь Павлович. – Москва, 2003. – С. 33.

³ Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. – 6-е изд. – Москва: Политиздат, 1989. – С. 31.

⁴ Семченков И. П. Указ. соч.

следует считать несоответствующим всеобщим универсальным принципам построения, устройства нашего мира, т. е. принципиально невозможным. Но если потерпевший не является составной частью совершаемого в отношении него преступления, то и объект преступления в виде «внутренних» благ человека элементом соответствующего преступления также быть не может.

Факт того, что рассматриваемые посягательства на внутренние блага представляют собой воздействие на эти блага, их негативное изменение, отрицать не имеет смысла, – это очевидно. Однако из этого вовсе не следует, что данное обстоятельство опровергает научно обоснованное системное мировоззрение, системную картину мира. Никаких противоречий здесь на самом деле не существует. Более того, имеющееся в любой системе взаимодействие элементов, их воздействие друг на друга в обязательном порядке предполагает наличие контактов между элементами как минимального условия их взаимодействия, воздействия друг на друга.

К внешним благам человека относятся такие аспекты состояния действительности, как, например, возможность владеть, пользоваться и распоряжаться предметами собственности, общественный порядок, общественная безопасность, определённое (невредное для жизни и здоровья) состояние окружающей природной среды и т. д.

Доказательство того, что объекты преступления в виде внешних благ не могут рассматриваться в качестве элемента состава преступления, следует проводить путём анализа самого преступного деяния, рассматриваемого как процесс причинения вреда объекту.

Процесс причинения представляет собой последовательность причинно-следственных переходов, т. е. изменений состояния действительности, где каждое, за исключением первого и последнего, является следствием предыдущего и причиной последующего. Первое изменение не может быть следствием, и является только причиной, а последнее изменение, соответственно, наоборот, может быть только следствием, не порождая дальнейшего изменения действительности. Весьма наглядно данный процесс проявляет свою сущность в простом детском примере, где ребёнок выстраивает в ряд кости домино, затем толкает одну крайнюю фигурку, чем запускает процесс, в котором затронутая им фигурка, падая, толкает следующую и т. д.

Важной особенностью данного процесса причинения является то, что в любой точке времени он представлен наличием одного единственного причинно-следственного перехода, и объясняется это тем, что предыдущие переходы

уже остались в прошлом, а будущие ещё не существуют.

Для целей нашего исследования данный вывод имеет очень большое значение, поскольку именно этот момент указывает на принципиальную невозможность выделения в действии, причиняющем вред, вообще каких бы то ни было элементов, т. е. составных частей. Стадии, фазы, этапы в нём выделять можно, а элементы – нет. Однако данный вывод может потребовать более подробного пояснения.

У слова «элемент» существует множество значений. Например, спортсмены часто употребляют данное слово для характеристики различных динамических процессов. Ведь именно по элементам они разучивают, осваивают, отрабатывают различные движения. В фигурном катании, в спортивной гимнастике, в синхронном плавании также выделяют спортивные элементы программ выступления. Но, что подразумевается под элементом в данном контексте? В спорте – это определённый этап (фаза, стадия, фрагмент) движения, выступления. Совершенно очевидно, что это не тот вариант употребления данного слова, который имеется в виду в рамках точки зрения о том, что преступление состоит из объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Никому и в голову не придёт называть объект, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону этапами (фазами, стадиями, фрагментами) преступления.

В рамках рассматриваемого понятия состава преступления слово «элемент» имеет иное значение. Это классический и наиболее часто употребляемый вариант, в котором под элементом принято понимать составную часть чего-либо, часть какого-либо целого.

Поскольку элемент как часть целого является частью чего-то большего, это означает, что помимо него должен существовать хотя бы ещё один элемент. Только в этом случае то, что мы называем элементом, может являться частью чего-то большего, частью целого. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что элементы целого должны существовать одновременно, составляя в совокупности то целое, составными элементами которого они являются (момент очевидный, но очень существенный).

Теперь следует вернуться к правильному пониманию процесса причинения, который в любой точке времени представлен всего лишь одним единственным причинно-следственным переходом. Данный причинно-следственный переход, всегда существующий в единственном числе, не может быть элементом, т. е. частью целого, так как помимо него никакого целого, никаких иных элементов в процессе причинения попросту не существует.

Именно поэтому сама постановка вопроса о том, из чего состоит процесс причинения, уже является принципиально неверной. Процесс причинения не из чего вообще состоять не может. Он представляет собой последовательность причинно-следственных переходов, т. е. последовательное изменение действительности, которое можно рассматривать лишь по этапам (фазам, стадиям), но не по элементам (частям).

Для опровержения этих результатов необходимо как минимум доказать хотя бы то, что преступление, выражающееся в причинении вреда, например, убийство, не представляет собой последовательность причинно-следственных переходов. Что же тогда оно собою представляет? Данный вопрос, построенный по принципу рассуждения «а contrario», хоть и поставлен здесь не случайно, но, разумеется, является риторическим.

В процессе причинения вреда возможно выделить лишь фазы, стадии, этапы, но не элементы. С этой точки зрения не могут признаваться элементами (составными частями) преступления, причиняющего вред, вообще никакие объекты преступления: ни внешние, ни внутренние.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об отнесении объекта преступления к составным частям преступного бездействия.

Представление о том, что любое преступление, в том числе и преступное бездействие, представляет собой деяние, причиняющее вред, получило в науке настолько доминирующее положение, что именно на основе этого представления построено действующее уголовное законодательство.

Подтверждением тому является хотя бы тот факт, что все формы вины и все их разновидности сформулированы в уголовном законе исключительно для деяний, которые выражаются в причинении преступных последствий.

Если исходить из того, что преступное бездействие действительно выражается в причинении вреда, то результаты проведённого выше анализа в полной мере следует отнести и к случаям преступного бездействия.

Однако в последние годы всё большее распространение получает иная точка зрения, представители которой полагают, что преступное бездействие вреда не причиняет.

Одним из примеров подобного вида преступного бездействия является не оказание помощи больному, ответственность за которое предусмотрена ст. 124 УК РФ.

Статья 124 УК РФ трактует данное преступление как не оказание помощи больному,

повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью, тяжкого вреда здоровью больного либо его смерть.

Использование при описании данного преступления термина «повлекло» указывает на то, что для привлечения к уголовной ответственности за его совершение необходимо наличие причинной связи между не оказанием помощи и указанными в статье последствиями в виде причинения вреда здоровью или смерти.

Однако не оказание помощи причинную связь не запускает. Механизм причинной связи возникает независимо от врача и ещё до того, как он столкнётся с решением вопроса об оказании или не оказании помощи. В данном случае механизм развития причинной связи возникает вследствие болезни, несчастного случая или действий третьих лиц, которые запускают его своими действиями [3, с. 7–8].

С этой точки зрения, не оказание помощи больному нельзя рассматривать в качестве причины его смерти или вреда его здоровью. В данном случае упрекать врача необходимо не в причинении вреда, а в том, что он не предотвратил причинение вреда здоровью или смерти.

Непредотвращение всегда заключается в несовершении того, что лицо должно было и могло совершить. Но что такое неделание, несовершение, невыполнение? Это отсутствие делания, совершения, выполнения. А что такое отсутствие? Об отсутствии принято говорить, когда кого-либо или чего-либо в наличии не имеется, не существует. Из этого следует, что в преступном бездействии как в несовершении того, что лицо должно было и могло совершить, никаких элементов выделять нельзя. Как можно выделять элементы в том, чего не существует? Разумеется, никак. С этой точки зрения не может быть элементом преступного бездействия и объект преступления.

Доказательство того, что объект преступления элементом (составной частью) преступного деяния не является, во-первых, устраняет искажённое представление о существующей действительности, присущее учению о составе преступления, и возвращает нас к естественной, неискажённой системной картине мира.

Во-вторых, приведённая в настоящей статье аргументация существенно укрепляет позицию Е. В. Благова и других учёных, которые также полагают, что объект преступления элементом состава преступного деяния не является [1, с. 157].

В-третьих, вывод о том, что объект преступления элементом совершаемого деяния быть не может, позволяет усомниться в обоснованности ещё одной широко распространённой точки зрения о составе преступления, в рамках кото-

рой элементами состава признаются не объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления, а их признаки⁵ [8, с. 108;

4, с. 164; 6, с. 21]. В данной связи закономерно возникает вопрос, на каком основании представители данной точки зрения относят к элементам состава преступления признаки объекта, если сам объект составной частью преступления не является?

⁵ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений: пособие для специалистов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрист, 2007. – С. 59–60.

Список литературы

1. Благов Е. В. Признаки состава преступления: традиции и реальность // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 6 (127). – С. 156–164.
2. Векленко С. В., Семченков И. П. О необходимости совершенствования понятия «объект преступления» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (52). – С. 7–10.
3. Дрыженко Д. Б., Семченков И. П. Преступления, совершить которые невозможно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (47). – С. 7–11.
4. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. – Москва: Юридическая литература, 1974. – 232 с.
5. Кичкин Н. А. Объект и предмет хищения: влияние на квалификацию // Научный альманах. – 2020. – № 4-3 (66). – С. 27–30.
6. Морозов В. И., Лосев С. Г. Понятие состава преступления в отечественной теории уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 16–21.
7. Николаев К. Д. Содержание понятия «состав преступления» // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – № 4 (28). – С. 79–84.
8. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – Москва: Юридическая литература, 1961. – 667 с.
9. Семченков И. П. Актуальные проблемы квалификации частично реализованных покушений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 4 (30). – С. 15–19.
10. Сирик М. С. Состав преступления как правовая категория // Закон и жизнь. – 2018. – № 3. – С. 64–72.

References

1. Blagov Ye. V. Priznaki sostava prestupleniya: traditsii i real'nost' // Lex russica (Russkiy zakon). – 2017. – № 6 (127). – S. 156–164.
2. Veklenko S. V., Semchenkov I. P. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya ponyatiya «ob»yekt prestupleniya // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (52). – S. 7–10.
3. Dryzhenko D. B., Semchenkov I. P. Prestupleniya, sovershit' kotoryye nevozmozhno // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 1 (47). – S. 7–11.
4. Karpushin M. P., Kurlyandskiy V. I. Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1974. – 232 s.
5. Kichkin N. A. Ob»yekt i predmet khishcheniya: vliyaniye na kvalifikatsiyu // Nauchnyy al'manakh. – 2020. – № 4-3 (66). – S. 27–30.
6. Morozov V. I., Losev S. G. Ponyatiye sostava prestupleniya v otechestvennoy teorii ugolovno go prava // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 2 (40). – S. 16–21.
7. Nikolayev K. D. Soderzhaniye ponyatiya «sostav prestupleniya» // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy. – 2018. – № 4 (28). – S. 79–84.
8. Piontkovskiy A. A. Ucheniye o prestuplenii po sovetскому ugolovnomu pravu. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1961. – 667 s.
9. Semchenkov I. P. Aktual'nyye problemy kvalifikatsii chastichno realizovannykh pokusheniy // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 4 (30). – S. 15–19.
10. Sirik M. S. Sostav prestupleniya kak pravovaya kategoriya // Zakon i zhizn'. – 2018. – № 3 – S. 64–72.

Статья поступила в редакцию 30.12.2020; одобрена после рецензирования 25.02.2021; принята к публикации 26.02.2021.